

Из зоны в зону

Моск. новости - 1993 - 12 сент. - с. 24

Леонид Габышев — явление в литературе странное и необычное. В 15 лет его посадили за кражи и разбой, в 30 лет он написал роман о зоне для малолеток «Одлян, или Воздух свободы», в 1989 году опубликованный в «Новом мире».

«Это страшное, это странное повествование! По всем правилам литературной науки никогда не достигнешь подобного эффекта», — сказал о романе Андрей Битов в предисловии к журнальной публикации. Сейчас «Одлян» издан и продолжает издаваться за рубежом. Недавно вышла в свет новая вещь Габышева — повесть «Жорка Блаженный». А сам автор только что окончил Высшие литературные курсы...

— Леся, что побудило вас писать?

— Видно, все-таки в человеке что-то идет от Бога. Ведь я начал писать в зоне, не имея никакого опыта и навыка. Там и времени-то нет для этого. Но в тот период я уже умел выкраивать для себя время, много читал, стал писать. В зоне многие пишут, но редко кто потом публикуется.

— Но, может быть, был какой-то побудительный мотив: от тоски, невыразимости, от страха...

— Нет. Ни тоски, ни страха в то время уже не было. Я уже понял, что такое свобода. В «Од-

ляне» я об этом писал: воздух свободы не только за забором, он и в тюрьме есть, он внутри человека. Свободным человеком я стал, находясь в тюрьме. У меня не было литературного опыта, во мне сидел внутренний редактор, и в этом я был несвободен, а по тюремным законам я был свободным человеком.

— Изменилось ли что-то в вашем мироощущении после того, как роман был напечатан в «Новом мире»?

— Ничего особенного не произошло. Я был уверен, что рано или поздно роман будет опубликован и что это будет при жизни. Другое дело — материальная сторона. Теперь уже не нужно куда-то бежать, доставать деньги. В этом плане стало спокойнее.

— А вы самоуверенный человек?

— Да. Я не считаю самоуверенность негативным качеством, наоборот. Варлам Шаламов говорил, что лагерный опыт — отрицательный, он не нужен человеку. Многие с этим не согласны. Может быть, для Франции или для Америки такой опыт не нужен. Но мы-то живем в другой стране. Мой второй роман называется «Из зоны в зону»: человек сидел в зоне и вышел на свободу, которая является «большой зоной». Если бы у меня не было того опыта, который Шаламов недооценивает, я бы не смог ни написать, ни опубликовать свой роман. Лагерный опыт дал нахрапистость, которая так необходима. Шаламов говорил о зоне лагерной, а я немного расширяю. Человек зоны не только тот, кто в лагере сидел, а и тот, кто прошел армию и психбольницу, то есть количество людей увеличивается. А вообще-то я считаю, что опыт не может быть отрицательным или положительным. Есть просто ОПЫТ.

— В «Одляне» вам удалось показать, как что-то умирает или возникает в душе человека: один опускается, другой зреет. Не чувствуете ли вы, что с вами что-то произошло?

— Если что-то умерло, то появилось другое, потому что в душе человека место пустым не бывает. Я не знаю, как живут на свободе те, кого «опускали» в зоне, мне встречаться с такими не приходилось. Сам я закалился, лучше узнал человека. Зона дала мне заряд бодрости, сыграла положительную роль. Я даже не знаю, что отрицательного в этом опыте.

— Вам приходилось бить человека?

— Приходилось, но совсем немного.

— А вас много били?

— Меня били значительно больше, чем я. И то я бил не от какой-то злобы, а потому что было нужно.

— Можете ли вы включить себя в существующую в отечественной литературе традицию лагерной прозы?

— В этот ряд я бы «Одлян» не поставил, потому что там совсем другой взгляд на проблему. И Солженицын, и Шаламов не уважали уголовников. Шаламов получал посылку и ни с кем не делился, ему за это по голове дали (он это описал). Он не кантовался ни с кем, у него не было обشача (так семья называется), он был интеллигент, а в зоне свои законы. Ты должен им подчиняться: собери в таком случае таких же интеллигентов и кучкуйтесь вместе. Единственная книга из тех, которые я читал о лагере, близка мне по духу — это «Блатной» Михаила Демина.

— Вы оцениваете поведение Шаламова исходя из законов зоны, но ведь вы сидели в разные эпохи и по разным поводам.

— Конечно, нас разделяет лет сорок с лишним. И здесь важен вот какой момент. Когда его посадили первый раз в 20-е годы, жизнь в России была более свободной, к тому же он был из интеллигентной семьи. И вдруг он попадает в совершенно другую среду. Поэтому люди, повидавшие другую жизнь, не смогли адаптироваться в лагере. Для нас более привычна жизнь в зоне, за колючей проволокой, мы на свободе уже усваиваем некоторые привычки зоны, потому современному интеллигенту легче освоиться в зоне.

— Вы говорите, что Шаламов и Солженицын не уважали уголовников. На это, я думаю, вам многие возразят: а за что их уважать?

— Уголовниками не рождаются. Если говорить о шаламовских годах, то происходило примерно так: крестьянин, выдернутый из села в город, что-то совершал и попадал в разряд уголовников. Ему бы землю пахать, но страна пошла по другому пути, возникали новые экономические и общественные отношения, и это очень многое обусловило. Да, уголовники плохие — я не спорю, но я считаю, что

нужно понять, почему люди стали преступниками. Сейчас тоже период разворота страны к новым условиям жизни, и это сопровождается всплеском преступности.

— За вами следил КГБ, надежд на публикацию романа было мало. У вас не возникало мысли о том, чтобы как-то уехать на Запад?

— Проблема была с романом. Я предпринимал попытки переправить его на Запад, но те, кто его здесь читал и мог туда отправиться, объяснили мне, что его там не напечатают. Тогда я стал думать: если это будет долго продолжаться, надо каким-то образом дернуть на Запад. А как? Хоть самолет захватывай. Можно наделать шума, и все из-за романа, вот тут и привлечь внимание. Тогда уж явно роман опубликуют. Не могу сказать, что это был реальный план, но такую идею я обдумывал.

— И вы могли бы на это пойти?

— Могу бы. Отчаявшись и не видя перспективы, пошел бы на это. Для этого нужна была команда, одному это не под силу. Я даже одного человека уже нашел.

— «Одлян», по-моему, достигает сильного эффекта за счет безыскусности повествования, присутствия интересного рассказчика. В «Жорке» уже есть литературность, работа с языком, несколько сюжетных линий.

— «Жорка Блаженный» — вещь для меня очень важная в том смысле, что в ней я ушел от лагерной темы. Обдумывал я эту тему очень давно, с 1976 года, когда встретил в Волгограде человека, у которого было много бутылок. Когда мы с ним познакомились, у него было 5 тысяч бутылок, позже он догнал до 12 тысяч, это все не выдуманно. После выхода журнала я пришел к нему, залез на бутылки и на потолок написал «Жорку Блаженного».

— Есть ли у вас какая-то среда, помогающая вам писать?

— Нет. Я существую сам по себе и ни в какие среды не вхожу. Литература для меня, как песня для соловья: захотел спеть — спою, накопится у меня — выплесну. Если начал писать и получается, то я уверен, что доведу дело до конца. Уверенность — это главное для меня.

Сергей ШАПОВАЛ